

М.Б.НУРТАЗИНА

М.Б.НУРТАЗИНА  
ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ  
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

*This article by M. Nurtazaina is devoted to the temporal relations between two actions in the context of taxis. Taxis is viewed as a polystatus cognitive category, a form of linguistic interpretation of man's perception of one of the most important aspects of temporal relations of the whole complex of actions – chronological simultaneity / diversification of actions. Temporal relations between two actions is considered as semantics obligatorily includes aspectual characteristics of actions correlated in time. In the paper the author has taken an attempt to make the conceptual analysis of the semantics of taxis. The suggested interpretation of the theoretical problems is related to the study of functional-semantic unities, based on the idea of time. The research is held in the field of the cognitive-communicative paradigm of the contemporary linguistics.*

Новый, коммуникативно-прагматический подход к природе номинации при выражении временных отношений, содержащийся в работах А.В. Бондарко [1], М.Б. Нуртазиной [2], В.Г. Адмони [4], Н.Д. Арутюновой [10], Е.С. Кубряковой [3], М.В. Ляпон [9], У. Вейнрейха [7] и др., позволяет рассматривать последнюю как «феномен», в котором объединяются и устанавливаются результат и целевой процесс обозначения предметов и явлений на базе проявления языком его исконной номинативной функции, неотделимой от коммуникативного функционирования. Такой подход связывает реальное значение языковых единиц в их отношении к «смысловому содержанию, т.е. с условиями и намерениями говорящего субъекта высказывания, к тому, что имеет в виду и хочет выразить говорящий» [1, с.36].

Подчеркивая, что семантика таксиса далеко не всегда заключается в выражении хронологических отношений одновременности / неодновременности (предшествования – следования), А.В. Бондарко исходит из необходимости уделять особое внимание языковой интерпретации исследуемых отношений [1, с.507]. Если исходить из определения таксиса, в котором как инвариант рассматривается временная соотнесенность действий, соотнесенность компонентов полипредикативного комплекса в рамках единого временного плана, то понятием таксиса будут охвачены случаи, когда представлены соотнесенность и сопряженность предиката-действия и предиката-оценки, например: *«Говорили чиновники: «Наш Нетопырь (прозвище Аполлона Аполлоновича в Учреждении), пожимая руки просителям, поступает совсем не по типу чиновников Гоголя; пожимая руки просителям, не берет гаммы рукопожатий от современного презрения, чрез невнимание, к презрению вовсе: от коллежского регистратора к статскому...»* (А.Белый. Петербург). Особенно четко рассматриваемая связь предикатов с временными компонентами выражена в конструкциях зависимого таксиса.

В сфере прототипа семантики таксиса мы имеем дело именно с действиями. Если же предметом анализа являются высказывания типа вышеприведенного, относящиеся к окружению прототипа, то речь далеко не всегда идет о самостоятельных (отдельных) действиях. Однако во всех случаях представлены сопряженные компоненты полипредикативного комплекса. Во многих случаях эта семантика дополнительно маркируется моносубъектностью компонентов высказываний [2, 33-36].

В рассматриваемом нами варианте конструкции с временными значениями представляют субъективно-оценочные отношения и логическую интерпретацию денотативной ситуации – ситуации псевдоодновременности, направленной на адресата, поэтому они тесно связаны с адресатом и адресантом. Адресант и адресат как сущностные характеристики речевого акта и необходимый компонент коммуникативной ситуации «составляют органическое единство, необходимое для формирования диалогического текста [2, с.32]. Описание такой коммуникативной ситуации предполагает анализ таких параметров, как коммуниканты, их социальный статус, информативность, психологическое состояние, их невербальное поведение, т.е. все те характеристики, которые раскрывают личность адресанта / адресата. Учитывается и такой экстралингвистический фактор, как реальное условие протекания речевого акта [2, с.34]. Конкретный выбор и использование повторной номинации (предикат-действие и предикат-оценки) связывается с самим говорящим, его интенцией, что предполагает непосредственный учет спонтанности момента; такое изображение действия связано с «неравнодушной» позицией говорящего к описанной ситуации.

Рассмотрим подробно случаи, когда отношения между предикативными компонентами определяются лексико-семантическим составом и семантика каждого предиката соотнесена с одним и тем же внеязыковым процессом, имевшим место в денотативной ситуации. М. Нуртазина, опираясь на работы зарубежных ученых [2, с.34-42], при анализе временной соотнесенности действий выделяет пять типов отношений: 1) равнозначности, 2) включения, 3) пересечения, 4) внеположенности, 5) контрадикторности [2; с. 36]. В.Г. Адмони особо выделяет отношения уточнения и уточняющего члена предложения, отмечая, однако, что «отношение уточнения по сути дела присутствует всюду, где вообще имеется какая-либо синтактико-смысловая связь» [4, с.41-43].

### **1. «Логическая интерпретация денотативной ситуации, содержащей временные значения»**

Действия в таких полипредикативных высказываниях с семантикой кореферентной соотнесенности называют и характеризуют разные аспекты единого динамического денотата. Говорящий употребляет повторную номинацию с целью всесторонней характеристики референта, указания его различных качеств и признаков. Например: «*«Рассказала Груша мне, что как ты, говорит, уехал да пропал, то есть это когда я к Макарью отправился, князя еще долго домой не было»* (Н.Лесков. Очарованный странник). Синонимическая замена может быть связана с желанием говорящего найти оптимальную форму своего высказывания, со стремлением объективировать в языковой форме нечеткий образ сознания. Такие комплементивные отношения (*род-вид, целое-часть*) представлены двумя типами: спецификативные (два предиката обозначают один предикатный денотат, это кореферентная повторная номинация; их еще называют конкретизация и уточнение) и комплементарные (более широкий семантический объем предшествует предикату с более узким значением) [2, с.36].

В Русской грамматике-80 выделяются три вида пояснительных отношений:

- собственно пояснение – отношения полного равенства предикатов, отражающих понятия, объемы которых полностью исключают друг друга, имеющих такие показатели, как «*то есть*», «*или*», «*а именно*», «*точнее*», «*вернее*», «*по-местному*», «*иначе говоря*», «*иными словами*», «*лучше сказать*» и др. ;
- включение – гиперо-гипонимические отношения (общее и частное), для него характерно выявление и констатация новых, ранее неупоминавшихся деталей. Такие спецификативно-конкретизирующие отношения возникают тогда, когда при обозначении одного и того же события-действия первый из двух предикатов имеет более общее, а второй – более конкретное, уточняюще-иллюстративное значение, что передается показателями типа: «*особенно*», «*особенности*», «*прежде всего*», «*главным образом*», «*например*» и др;
- уточнение – это сужение, дополнительная информация, какая-то сторона, отношение разноаспектной характеристики [5, Т.2, с.173].

Концептуальную основу появления логической интерпретации денотативной ситуации можно объяснить тем, что это явление связано с гетерогенными факторами: первичная номинация объектов и способы их представления в речи, а также с психологическим фактором: способа мышления говорящего и способом оформления его мыслей. Ведь известно, что говорящий называет вначале известное ему, но не известное адресату признаки объекта, а затем с помощью кореферентной номинации старается устранить возникшую в процессе коммуникации неопределенность, неясность, неоднозначность речевых единиц. Таким образом, создаются эвристические предпосылки для адекватной оценки сообщаемой информации, хотя остаются «за бортом» все мыслительные операции, информации «о внутренней полемике говорящего и адресата по поводу выдвигаемой версии» [9, с.79]. Известно, что в процессе общения обычно не придерживаются строгой доказательности и логичности в своих высказываниях, часто руководствуясь эмоциональным восприятием мира. Если язык есть практическое мышление, поэтому он «регулируется не только правилами логики, но и практически-жизненными потребностями, сводить которые на точно определенные и всегда последовательные правила теоретического умозаключения было бы искажением вообще всякой языковой действительности» [9, с.248].

О. Даль пишет об интенции как особых устремлениях говорящего, а именно устремлении к тому, чего он хочет достигнуть актом высказывания, воздействуя на адресата так, чтобы изменить устремления, а вместе с тем и поведение последнего [6, с.96-97]. В работах последнего времени

также отмечается, что исследование языка с точки зрения логики не только оправдано, но и перспективно. «Это отнюдь не модное увлечение, – пишет по этому поводу У.Вейнрейх, – исследование логических аспектов языка в течение ближайших десятилетий будет составлять одно из важнейших направлений» [7, с.119]. Вместе с тем, как справедливо отмечает А.В. Бондарко и М.В. Ляпон, «в настоящее время при широко распространенном увлечении лингвистов логическими аспектами семантики особенно важно подчеркнуть необходимость и актуальность исследования собственно языковых значений» [1, с.32], так как сфера значения – это такая область языковых значений, в изучении которой «ориентация на авторитет естественного языка» [9, с.91] представляется особенно важной.

Исходным признаком для систематизации отношений «псевдоодновременности» служит соотношение объемов понятий, имеющих общую денотативную отнесенность, «причем она устанавливается только говорящим» [9, с.64]. Если принять точку зрения Ф. де Соссюра, что «в каждом данном состоянии языка все покоится на отношениях» [8, с.155], то логическую основу денотативно детерминированной временной соотношенности действий, синтаксическая природа которых своеобразна, составит мысль о тождестве. Это экспрессивная модель передачи объективного содержания. Здесь позиция говорящего проявляется в виде метатекста, поэтому в высказывании содержится как бы два яруса: первый ярус – информация о временной соотношенности событий, второй ярус – рассуждение автора по поводу этих событий.

Важнейшая особенность таких понятий, имеющих общую денотативную отнесенность как одного из видов коммуникативной деятельности, является их целенаправленная ориентация на обеспечение успешности коммуникации путем устранения нарушений при формировании значения и структуры высказываний. Стратегия говорящего сводится к контролю над ситуацией: «проверке соответствия реализации коммуникативному замыслу, прогнозирование «концепции» адресата» [9, с.89-91], поэтому для адекватного понимания сообщаемой информации адресатом сам адресант в результате мыслительно-языковой операции старается устранить возможное тождество, неоднозначность, неполноту объекта, что связано с «эгоцентрическим способом мышления» [6, с.34].

Известно, что говорящий вначале в процессе речи называет наиболее яркие, приходящие на ум в начале, и наиболее известные ему, но не известные адресату признаки объекта. Затем, задумавшись о степени осведомленности адресатом объекта, о возможности его неадекватного восприятия или осмысления, говорящий вынужден достраивать языковую форму до коммуникативно релевантной. Сразу отметим, что в прагматическом плане второе обозначение обязательно несет новую информацию, поэтому мы согласны с мнением М.В. Ляпон, что «необходимость второй экспликации коммуникативно оправдана, по крайней мере, тремя мотивами: сообщаемое в первой части во-первых, не вполне точно и адекватно, во-вторых, точно и адекватно, но недостаточно ясно или облечено в необычную словесную форму и потому требует толкования; в-третьих, отвлеченно, обобщенно и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования» [9, с.82-83].

Отношения псевдоодновременности базируются на разных основаниях и в связи с этим приобретают различные модификации. Вместе с тем многогранность объекта исследования обуславливает применимость еще и других, более частных критериев классификации. Так, при анализе функциональных свойств повтора невозможно обойти вниманием его структурные свойства. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, использование говорящим повторяемых слов и высказываний в конкретных жизненных ситуациях «составляет мощный фактор формирования синтаксических структур и их дифференциации» [10, с.256].

Выделяются отношения внеположенности (исключения), включения и пересечения [2, с.44], которые можно разделить на АТС, передающие равнообъемную номинацию действий, и АТС, передающие разнообъемную семантику.

### **1.1. Временные отношения «равнообъемные номинации» (отношения внеположенности)**

Это равнообъемные синонимические номинации, отражающие отношения тождества [7, с.56-77], полного равенства содержательного плана компонентов, т.е. кореферентные номинации, передающие информацию о каком-то одном внеязыковом действии, характеризуемом с различных сторон, С – референциальная ситуация. Отношение «собственно пояснения» [5, Т.2, с.173] имеет место тогда, когда объемы предикатов полностью исключают друг друга. Например: «*Осень 1914 года. К нам в село **проскочили** австрийские войска, **стали безобразничать** – **грабить**, **уводить***

*девушек»* (А. Аджубей. Те десять лет); *«А что ты знаешь, хозяин? Люди у тебя как овцы: «Иди!» – идут! «Беги!» – бегут. В страхе держишь, пугаешь, обманываешь, измываешься»* (В. Кашин. Чужое оружие).

### **1.1.1. Временные отношения «собственно отождествление»**

Значение «собственно отождествление» возможно в высказываниях с союзом *«то есть»*, когда с точки зрения говорящего необходимы интерпретация того или иного факта, явления, определение его значимости, оценка, выявление скрытого содержания. К этому союзу говорящий прибегает в том случае, отмечает П.А. Дженсен, если он «проясняет предложенное первоначально наименование путем перевода его в иную систему номинации» [11, с.177- 178]. Наблюдается отношение «приблизительного равенства», когда компоненты соотносятся с одним и тем же общим денотатом, хотя, справедливо замечает М.В. Ляпон, «такое двойное обозначение не избыточно. Оно всегда функционально оправдано» [9, с.64] в качестве средства, по образному выражению А.А. Потемни, «синекдохического представления продолжительности действия», а также как средство выражения «субъектно-модального значения» [5, т.2, с.215]. Есть интересное суждение О. Даля о том, что выбор такой формы экспликации денотативной ситуации может быть обусловлен еще и тем, что автор, «заботясь о более полном и точном восприятии денотативной ситуации, приводит два разных ее изображения, выделяя различные аспекты ее существования и пользуясь при этом методом конкретизации или, наоборот, методом обобщения» [6, с.78]. Например: *«Дворянство Московской Руси представляло собой «служильный класс», то есть состояло из профессиональных слуг государства, главным образом военных»* (Ю.Лотман. Беседы о русской культуре); *«Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти, то есть перед выходом сказать что-нибудь приятное»* (Л.Толстой. Война и мир); *«Дети удались на славу, то есть пошли во взятый образчик, и шибкий размах отцовской воли остался в них, шумный и крушительный, как в паре закруженных и отданных на милость инерции маховиков»* (Б.Пастернак. Детство Люверс).

Приведенные примеры показывают, что аспектуально-таксисная ситуация «пояснительная номинация» возникает не предварительно, на этапе планирования высказывания, а в ходе непосредственной реализации и передачи сообщения, когда второй компонент не входит, по справедливому замечанию П. Джерсена, в «инициальную коммуникативную программу говорящего» [11, с.199]. Тогда стимулом к построению языкового компонента, дублирующего уже имеющуюся номинацию референта, служит осознание адресантом того, что первичная номинация не вполне обеспечивает достижение коммуникативной цели говорящего. Художественная литература дает многочисленные примеры употребления пояснения в заранее обдуманых, подготовленных сообщениях – письменной речи, выступлениях с докладами на конференциях и т.д.

Как видно из примеров, выбирая такую форму отражения ситуации, автор стремится прежде всего к точности, адекватности, образности создаваемого им вербального изображения. Еще более наглядны следующие два примера. *«За истекшие 2000 лет китайцы, проникая в северные страны, вели себя в них как завоеватели, то есть жили не за счет ресурсов природы, а за счет местного населения. Иными словами, они не занимались ни кочевым скотоводством, ни охотой, а вжимали шкуры и меха как дань с местных жителей, чем надрывали их хозяйственную систему, основанную на балансе потребностей с природными ресурсами. Это экономическая политика была откровенно хищнической. Она разрушала природные ландшафты, питавшие степные племена, которые, видя это, всеми силами сопротивлялись иноземным вторжениям. Но остается неясным, почему им это удавалось»* (Л.Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия); *«При Екатерине II некоторые из ее фаворитов, например, Григорий Потемкин, были серьезными государственными деятелями, некоторые – просто развратными молодыми людьми. Одни из фаворитов были скромными, то есть довольствовались миллионными подарками и десятками тысяч крестьянских душ»* (Ю.Лотман. Беседы о русской культуре).

Союз *«то есть»*, помогая выражать пояснительные отношения, объединяет собою различные по структуре компоненты, но в смысловом отношении тождественные в пределах данной ситуации, естественно тогда, что одна и та же мысль дублируется или варьируется с коммуникативными целями, чтобы она стала более ясной, точной. Характерно использование темпоральных компонентов типа *«за истекшие 2000 лет»*, *«при Екатерине II»*, которые выполняют не столько

информативную функцию, сколько функцию сотрудничества, путем вовлечения собеседника в совместную деятельность по оценке, восприятию, сопереживанию определенных событий истории. Здесь автор выступает как субъект «общего мнения», максимально идентифицируясь с субъектом высказывания, привлекая и адресата к высказанной точке зрения, расцениваемой не как субъективное, а как обобщенное, общепризнанное. Подобное отношение говорящего к обозначаемому свидетельствует об определенной коммуникативной интенции субъекта речи: он оказывает на адресата эмоциональное воздействие, приглашая его к совместным размышлениям, реминисценциям, ассоциациям.

Основная функция высказываний с указанными значениями – преимущественно «констатирующая (идентифицирующая): с множеством сказуемых здесь всегда соотносится такое же множество действий-денотатов, элементов таксисной ситуации, одновременных или разновременных» [2, с.44].

### **1.1.2. Временные отношения, передающие «двойную актуализацию значения»**

Такая временная ситуация передает, как правило, эксплицитную длительность на основе различий в средствах ее выражения: а) глаголами морфемно-характеризованных способов действия, заключающих в себе аспектуальный признак длительности, б) повторением глагольных форм СВ и НСВ (длительность в данном случае сочетается с интенсивностью), в) сочетанием глагола с обстоятельственными показателями, а также с синтаксической структурой «(до тех пор) пока не + СВ». Повтор может быть продиктован объективными закономерностями регулярного развертывания связной речи, требующей повторения одних и тех же смысловых элементов в целях более полного выявления их семантики, например: «Жизнь Арсеньева» – это одно из замечательнейших явлений мировой литературы. К великому счастью, оно в первую очередь принадлежит литературе русской. Мы видим, в этой удивительной книге поэзия и проза слились воедино, слились органически, создав новый замечательный жанр» (К.Паустовский. Иван Бунин), а чаще индивидуальными авторскими намерениями, когда необходимо «преднамеренное, осознанное использование говорящим речевых средств с целью оказать воздействие на реципиента» [2, с.34]: «Он (Андрей Вениаминович) замолчал, вглядываясь в ее лицо, и вдруг поморщился: из соседней комнаты доносился чей-то голос. Это Марья **пела** украинскую песню, **пела** резким, громким голосом, **пела** впервые за двадцать лет своей замужней и кухарочьей жизни» (В.Гроссман. Кухарка); «Лиза **сияла** – **сияло** ее лицо, обычно бледное, унылое, **сияли**, захлебываясь от радости, глаза, **сияла** под голубенькой кофточкой прогнувшаяся грудь – **сияло** все, **сияла** вся, **сияла** всю» (В.Распутин. Живи и помни).

Динамический характер значений обуславливает их скопление в особо острых текстовых ситуациях, одновременно используя как средство выражения авторского отношения к событиям, создания эффекта сопричастности с ними. Широко используются как средство передачи психологических, нравственных признаков, оценок, что связано с их ориентацией на мир познающего субъекта. На способность повтора выступать в качестве показателя эмоциональности указывает Н.Д. Арутюнова: «Повторение слова или оборота вызвано чувством, замедляющим течение мысли, например, гневом, который располагает к тождеству» [10, с. 43]. Прагматический эффект повтора, тесно связанный с эмоциональными и оценочными факторами, направлен на собеседника и реализуется непосредственно в диалоге, например: «Что тебе нужно? **Задай** мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, – я **побегу** исполнять ее! **Погублю, погублю!** И от всего этого **откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю**, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнешь своего тонкою черною бровью!» (Н.Гоголь. Тарас Бульба). Эксплицитная длительность с повторением глагола СВ выполняет прагматическую функцию – эмоционального воздействия на адресата, так как содержит яркий эмоционально-оценочный компонент, способствует приобщению к миру субъекта и пристрастий субъекта речи. Субъективность рациональной оценки предполагает в качестве преднамеренного перлокутивного акта убеждение адресата в истинности сообщаемого. В ситуации может быть указание на достоверность обозначаемого свойства, качества лица, каузирующих эффективность или желательность последующей ситуации. В коммуникативное задание говорящего входит убеждение адресата в правильности собственных суждений, соображений относительно предполагаемых поступков, убеждение слушающего в искренности своих слов, намерений, обещаний, а не изменение его суждений, оценок, мнений относительно того или иного предмета. Прагматическими индикаторами этих функций служат последующие

глаголы СВ (*откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю*), транспонированный императив (*задай... побегу*), сама синтаксическая условная конструкция.

В высказываниях с глагольными формами, передающих отношения псеодоодновременности, все моменты, употребляясь по отношению к одному действию, как бы сливаются в одну цельную временную величину. Временные ситуации с такими компонентами относятся к числу единиц, обладающих яркой эмоционально-экспрессивной окрашенностью, повышенным прагматическим воздействием на адресата. В лингвистической литературе подчеркивается, что в процессе речевой деятельности «говорящий не просто выбирает предмет общения, но и оценивает свое отношение к нему, характеризует референтную ситуацию как благоприятную или неблагоприятную, желательную или нежелательную» [11, с.188-189].

Художественный текст вообще обладает повышенной семантической насыщенностью, которая создается за счет использования дополнительных каналов информативности, в том числе за счет повторных номинаций. Для речи в состоянии эмоциональной напряженности характерна сверхподчеркнутая актуализация смысла высказывания. Она проявляется в преимущественном употреблении слов с четкой позитивной или негативной коннотацией. Еще примеры: «Папочка! – говорила я ему, терзаясь от страха, – не смотри так, папочка! Уйдем отсюда! Уйдем скорее! Уйдем, убежим! Да, убежим, убежим! Пора! Пойдем, Неточка! Скорее, скорее! – И он засуетился, как будто только теперь догадался, что ему делать! (Ф.Достоевский. Неточка Незванова); «Послушай, Казбич, – говорил, ласкаясь к нему, Азамат, – отдай мне свою лошадь и я сделаю все, что ты хочешь...Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! – сказал Азамат дрожащим голосом. Послушай! – сказал твердым голосом Азамат, – видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Хочешь?» (М.Лермонтов. Герой нашего времени); «Он (отец) подвел меня к углу, где был образ, и сказал, чтобы я стала на колени. Молись, дитя мое, помолись! Тебе лучше будет! Да, право будет лучше, – шептал он мне, указывая на образ и как-то странно смотря на меня. – Помолись, помолись! – говорил он каким-то просящим, умоляющим голосом» (Ф.Достоевский. Неточка Незванова).

Достаточно частотны высказывания с временными значениями, в которых повтор выполняет оценочно-характеризующую функцию. Говорящий осуществляет повтор в состоянии повышенного эмоционального возбуждения: «У-у, харя пьяная! – отозвался лесник, все еще не веря случившемуся и оттого передергивая плечами, как бы пытаясь выскочить из опутывающих его веревок. – Я тебе почешусь, я тебе почешусь! Я тебя еще достану! Я на тебя намордник-то вот еще какой накинута!» (П.Проскурин. Отречение).

Повтор глагольных предикатов может выполнять функцию выражения протяженной длительности и длительности сохранения результата. Здесь можно говорить о сфере взаимодействия длительности как одной из аспектуальных категорий с центральной аспектуальной категорией лимитативности, т.е. с семантикой предела и аугментативно-соотнесительного типа, т.е. пропорционального соответствия действий, например: «Его (Ефремова) огорчало, что поезд все шел и шел, удалялся от Москвы, шел быстро; внизу тревожно позванивали пустые бутылки» (В.Гроссман. Повесть о любви); «С каждым днем все больше и больше приходило к нему (отцу Сергию) людей и все меньше и меньше оставалось времени для духовного укрепления и молитвы» (Л.Толстой. Отец Сергей). Повтор глагольной лексемы выражает семантику долговременности (с точки зрения субъекта события), неограниченной и протяженной длительности в субъективном представлении субъекта события. Сема длительности как выражение градуирования признака уже обусловлена собственным аспектуальным признаком глагола, заключенного в его лексической, словообразовательной и грамматической семантике. Глаголы НСВ «приходило», «оставалось», «шел» в инхоативном значении выражают продолжительность количественного изменения признака в сторону его нарастания. Наступление второго действия, признака есть предел для проявления первого. Доминантой их значения является не причинная или временная соотнесенность действий (признаков действий), а их симметричность и пропорциональность, поскольку изменение одной из составляющих величин вызывает точно такое же количественное изменение другой величины.

Часто встречаются высказывания с полипредикативными разделительными конструкциями с союзом «то-то», которые в плане внутреннего темпорального истолкования всегда

характеризуются локализованностью, т.е. отнесенностью каждого из перечисляемых действий к определенной временной точке, что соответствует значению строгой неодновременности «длительный ряд», например: «Рана в бок была смертельна, и он (Хаджи-Мурат) **чувствовал**, что умирает. Воспоминания и образы с необыкновенной быстротой **сменялись в его воображении одно другим. То он видел перед собой** силача Абунанчал-Хана, как он, придерживая рукою отрубленную, висящую щеку, с кинжалом в руке бросился на врага; **то он видел** слабого, бескровного старика Воронцова с его хитрым белым лицом и **слышал** его мягкий голос; **то он видел сына Юсуфа, то жену Софиат, то** бледное, с рыжей бородой и прищуренными глазами, лицо врага своего Шамиля» (Л.Толстой. Хаджи-Мурат).

Возможны случаи, когда автор, стремясь к более полному и яркому отражению денотативной ситуации, прибегает к использованию ассоциативно-образных связей с союзом «или»: «**По изгнании со службы негодных лиц новый губернатор не спешил замещать их другими, чтобы не попасть на таких же. Чтобы избрать людей достойных, он хотел оглянуться, или**, как нынче по-русски говорят, «**ориентироваться**» (Н.Лесков. Очарованный странник. Однодум); «Я **пролежал в больнице три месяца. «Провалился», как говорил об этом периоде моей жизни Владик**» (А.Алексин. Семейный совет).

Во всех приведенных примерах при помощи повтора предиката создается особый тип итеративной (дискретной) многократности. В каждой ситуации, входящей в итеративное множество, заняты одни и те же участники, во-вторых, итеративная неоднородность является политемпоральным, т.е. ситуация повторяется в различные промежутки времени [2, с.34]. В последних примерах закавыченность слова указывает на его неорганичность в лексиконе говорящего, на функционально-стилистическую отмеченность. Можно сказать, что это способ непрямого выражения речевой оценки, когда говорящий по разным причинам делает поправки к существующим нормам, переводит необычное средство на общедоступный способ выражения.

### **1.1.3. Временные отношения, передающие значение «антонимические номинации, основанные на отношениях контрадикторности»**

Главной особенностью устроенности таких номинаций на лексико-синтаксическом уровне остается смысловая близость предикатов, которая проявляется в их антонимии: «**Но вот показала между горами волн черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась**» (М. Лермонтов. Герой нашего времени). Смысловую близость предикатов следует расценивать как проявление параллелизма на лексико-синтаксическом уровне; проявляется ситуация «контрастной совместимости». Несоответствие синтаксической структуры и смысла, которое заложено в ней, не является противоречием. Имплицитная часть высказывания обычно полностью эксплицируется и осмысливается адресатом на основе знания узуальных форм выражения сложного содержания. В.Г. Адмони справедливо отмечал, что «мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм психологической коммуникации, но несоответствие не тождественно с противоречием; положительно и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений» [4, с.23].

Ситуация «сопоставление, осложненное субъективным отношением компенсирующего характера» представлена в следующем высказывании: «**Солнце на севере не светит, а просвечивает как будто через толстое стекло. Кажется, что зима не ушла, а только спряталась в леса, на дно озер, и все еще дышит оттуда запахом снега**» (К.Паустовский. Колотый сахар); «**Ровно в двенадцать часов Александр Иванович отодвинул в сторону контокоррентную книгу и приступил к завтраку. Он вынул из ящика заранее очищенную сырую репку и, чинно глядя вперед себя, съел ее. Потом он проглотил холодное яйцо всмятку. Холодные яйца всмятку – еда очень невкусная, и хороший, веселый человек никогда их не станет есть. Но Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов**» (И.Ильф, Е.Петров. Золотой теленок); «**По берегу снова шел – не шел, а катил – Гуськов по насту вверх по Ангаре**» (В. Распутин. Живи и помни).

Еще раз отметим факт временной локализованности всей временной ситуации, показателями которой выступают пространственные элементы «на севере», «по берегу», временные показатели «ровно в двенадцать часов», косвенные указания присутствуют благодаря введению в высказывание различных осложняющих оборотов соответствующего содержания типа «потом» и др.

#### 1.1.4 Временные значения «порядок изложения мыслей»

Известно, что система средств любого естественного языка практически не имеет полных коррелятивных параллелей с логически выстроенной парадигмой того или иного смысла. Иногда наблюдаются случаи, когда использование лексических показателей последовательности действий «сталкивается» в повествовании с лексическим значением глаголов психической деятельности, обозначающие различные эмоциональные состояния (при которых переживаются те или иные чувства), а также их внешнее проявление. Их семантическая структура и синтаксические свойства указывают прежде всего на определенное эмоциональное состояние, оставляя как бы в тени переживаемые при этом состоянии чувства. Конкретные эмоциональные состояния (настроения) с более или менее определенными характеристическими признаками обозначаются группами глаголов с опорными словами *волноваться, сердиться, грустить, радоваться* и т.п., связанными друг с другом эквиополентными оппозициями. Границы между этими группами весьма неустойчивы, подвижны, равно как неустойчивы границы между различными настроениями человека. Вот почему, употребляясь в одном высказывании (даже при наличии лексических маркеров), такие глаголы лишь показывают порядок изложения мыслей, но не последовательность в протекании действий, например: *«Все было готово к венчанию. Вдруг отец Николай оглянулся: прямо в алтарь вошел Игнаха Сопронов. Глядя на Игнаху, Николай Иванович сначала растерялся, после изумился, и наконец лицо его налилось бордовым цветом. Все было точь-в-точь как недавно в Москве»* (В.Белов. Кануны)

Использование «индикаторов» порядка действий *«наконец», «только после этого», «во-первых», «во-вторых»* как облигаторных в плане передачи информации – это сигнал завершения ряда композиционных этапов, «как фактор композиционно-смысловой организации текста» [9, с.42]. У. Вейнрейх относит выражения «во-первых», «во-вторых» к «метаязыковым операторам», усматривая в них «мета»-голос, – голос говорящего: эти выражения «можно трактовать как сокращенные показатели предложений «скажу как первое» [7, с.13-19]. Лишь когда используются конкретные физические действия, налицо значение хронологической последовательности событий: *«Илька связал веник из пихтовых лап и принялся убирать в бараке. Сено все выбросил в реку, одежонку выхлопал, мусор вымел. Потом сыскал в сушилке тряпку и ведро, зачерпнул воды и выскоблил стол, отмыл единственное в бараке окно, протер стекло от лампы и только после этого взялся варить кашу»* (В.Астафьев. Перевал).

#### 1.1.5. Временные ситуации «пояснение – пересечение значений как проявление общей идеи»

Модель такого тематического фрейма имеет следующую организацию: здесь концепт «степень проявления», вариант «количественная детерминация в зоне выше нормы» передается БСП типизированной структуры с анафорическим элементом в первой части. Вся остальная информация есть раскрытие содержания этого случая, конкретизация: первая часть обозначает достаточно неопределенную ситуацию, а последующие действия детализируют ее конкретными пропозициями. Иллюстрировать такую неоднозначность можно с помощью таких примеров: *«Грохот потряс квартиру: на пол посыпались хрустальные осколки от люстры, треснуло звездами зеркало, на камин полетела иштукатурная пыль, запрыгали по полу отработанные гильзы, полопались стекла в окнах, из простреленного примуса начало брызгать бензином»* (М.Булгаков. Мастер и Маргарита); *«Во дворе началось великое ликование: сверкало золото и серебро, кипели кошлы, дымили жаровни, гудели бубны, ревели трубы, грохотали, сотрясая воздух, барабаны...»* (Л. Соловьев. Повесть о Ходже Насредине);

Монотемпоральные процессы занимают один непрерывно длящийся период времени, который может быть в принципе сколь угодно кратким или сколь угодно длительным. Аргументацию для этого утверждения дают глаголы СВ многоактного СД (многофазисными) и производные, неопределенные глаголы НСВ, обстоятельства ограниченной / неограниченной длительности, в каждой из повторяющихся микроситуаций представлены одни и те же участники или разные. С семантической точки зрения такие глаголы обозначают непосредственно воспринимаемые органами чувств человека конкретные физические действия или движения, причем многие из них можно характеризовать как звуко-свето-изобразительные одновременные процессы, которые содержат общую сему «интенсивное проявление звука, света» и др., происходящие в один конкретный период времени и обычно отделяемые друг от друга минимальными интервалами времени. Специфическая особенность таких конструкций заключается в том, что ситуации, образующие повторяющийся эпизод, осуществляются в любой последовательности и



неодновременно, т.е. исключают друг друга. Такие АТС могут передаваться простыми предложениями, БСП, СПП пояснительного типа.

Сюда же относятся и высказывания, в которых можно проследить развитие поверхностного семантического фрейма для передачи концептов «степень проявления» и «характер проявления»: *«Я понимал, что Подкладкин совсем не умеет выражать ясно и понятно свои мысли, и это меня мучило, раздражало. А самое главное, что слово «говорить» он произносил с ударением на втором «о», то есть «говорить», что воспринималось мною чуть ли не как издевательская насмешка»* (В.Катаев. Юношеский роман). Организация этого фрейма строится следующим образом: в первой части описывается некая ситуация, центром которой является определенный признак (в данном случае квалификация субъекта), вторая часть уточняет характер этого проявления. Это происходит путем введения формально выраженной следственной пропозиции (союз «что») и тех состояний, которые возникают у второго субъекта.

Достаточно частотны случаи (около 28 %), когда предикаты отражают обобщенное и индивидуализирующее понятие, называющее одно действие-денотат с оценочной характеристикой с разной степенью экспрессивности и без таковой, детализируя его, показывая «изнутри» разные стороны процесса. Например: *«У берега Маныча – большой белый пароход, к нему прицеплена баржа. Раненых несут на руках, на носилках. Больные, легкораненые сами ковыляют, хромают»* (Р.Гуль. Ледяной поход); *«Остаток этого дня и весь другой день я постыдно прятался, избегал Валерии»* (В.Солоухин. Кувшинка); *«Без малого три месяца провалялся Андрей Гуськов в новосибирском госпитале. Грудь, из которой дважды доставали осколки, долго не закрывалась, не заживала»* (В.Распутин. Живи и помни); *«Помянуть, засвидетельствовать свою скорбь приехали обе дочери Едигея, а заодно и погостить денек-другой у родителей, поскольку нет худа без добра»* (Ч.Айтматов. Плаха); *«Больше я ждать не мог. Я бросил всю суету (а основное дело всегда со мной) и поехал, помчался к морю»* (В.Солоухин. Девочка на уресе моря); *«И вдруг пришло письмо от его родных: умер, скоропостижно скончался от инфаркта»* (К.Симонов. Сегодня и давно); *«-Думать надо! – кричит Шура. – О деле, а не о чепухе! Соображать надо! – кричит, не зная или не желая знать, что призыв тренера думать и соображать часто протекает от его собственного неумения думать»* (С.Токарев. После славы); *«В темном углу у порога, на деревянной кровати, захныкала, заплакала Татьяна»* (Ф.Абрамов. Братья и сестры); *«Дочь громко всхлинула и заголосила тоненьким голоском: «Отложи на завтра»* (Б.Можаев. Мужики и бабы); *Искра вздрогнула от незнакомых нежных и усталых интонаций. Ей вдруг захотелось броситься к матери, обнять ее и заплакать. Зареветь, зарыдать отчаянно и беспомощно, как в детстве»* (Б.Васильев. Завтра была война).

Длительность представлена как детерминированная пределом, а может быть представлена имплицитно. Все эти образования построены по одной модели, которая предполагает наличие лексических коррелят-замен. Повтор глаголов с коррелятами-заменами с разной степенью интенсивности выражает семантику долговременной, ограниченной пределом длительности. В языковом сознании количественные изменения требуют какой-то градации, оценки, поэтому в языковом сознании возникает градационная шкала оценок «больше-меньше» с понятием нормы в центре. Природа таких кореферентных номинаций может быть обусловлена факторами как экстралингвистического, так и лингвистического характера. Экстралингвистические факторы связаны с коммуникативно-прагматическими потребностями общения, достижением более адекватного понимания со стороны адресата сообщения и участием его в реализации этого процесса, с устранением коммуникативной синсемантии поясняемого компонента. Лингвистические факторы связаны с разрешением противоречия между языковой экономией и содержательной избыточностью высказывания. Первый и второй предикаты связаны общим референтом, «по-разному номинирующих один и тот же объект высказывания», по мнению В.Г. Адмони, и обладающих сходной «экстенциональной отнесенностью» [4, с.88]. Функционирование таких пояснительных номинаций в высказывании базируется на выдвинутом П. Грайсом принципе кооперации участников общения, согласно которому коммуникативный вклад каждого участника на данном этапе общения должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) коммуникативного акта.

Используются такие номинации с целью уточнения, дополнительной характеристики обозначаемого, дифференциации сходных понятий. Примеры такого рода многочисленны: *«Осенью как-то копал Иван Степаныч «чашки» в садах, под грушами, – за бутылку вина и*

*полфунта хлеба. И видит: идет-пошатывается человек, с мешком и лопатой. Дрогаль Иван?»* (И.Шмелев. Два Ивана).

## **2. Временные отношения «разнообъемные номинации»**

Это отношения уточнения / включения, когда содержание одного компонента входит как часть в целое в объем содержания другого. Разнообъемные номинации, отражающие отношения включения, могут называться псевдоодновременностью, т.к. соотносятся с одним и тем же внеязыковым процессом. «Правые» предикаты выступают по отношению к «левым» как гипонимы. Противопоставление здесь идет по трем аспектам: а) широкое (абстрактное) / узкое (конкретное) обозначение; б) нейтральное / экспрессивное обозначение; в) общеупотребительное / социально отмеченное обозначение. По мнению М.В. Ляпон, здесь представлены градационные отношения «как результат дотекстовой сравнительной оценки 1) значимости сообщаемого; 2) его истинности; 3) адекватности предложенной адресату формулировки сущности обозначаемого» [9, с.79]. В связи с этим проводится дальнейшая субкатегоризация ситуаций, связанных с кореферентными номинациями.

Коммуникативное намерение адресанта направлено на осуществление воздействия на адресата с тем, чтобы вызвать с его стороны прогнозируемую реакцию. Ориентируясь на тот или иной запланированный эффект, адресант стремится, как отмечает П. Джерсен, «спровоцировать поведение партнера по коммуникации в нужном для себя направлении, для этого он пытается «найти в его деятельности слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [11, с.200-202].

### **2.1. Временные ситуации «присоединительно-комментирующие»**

О. Даль называет такие явления как «процесс сращения значений» [6, с.149], которые являются таковыми только в речевой деятельности коммуникаторов. Ведь в «каждой паре определенным образом связанных между собой лексических значений в процессе восприятия речи выделяются экспликандум и экспликандум. Содержание экспликанда срастается с содержанием экспликандума, присоединяя к уже имеющимся у слушателя знаниям об объекте (референте) то новое, что вносит в него экспликандум. Сращение значений обогащает знания слушателя об объекте. Процессы, протекающие в речевом механизме говорящего, противоположны по своей направленности. Говорящий стремится сообщить слушателю нечто новое, неизвестное последнему об объекте. Для этого он должен разложить свой конкретный образ референта на экспликандум и экспликандум, обнаруживая свои знания с помощью языковых единиц» [6, с.149]. Например: *«Вполне вероятно, что это он придумал название «Дрозсоор», хотя в этом не признавался. Орание имело для них и второй смысл – пахать, вкалывать, ишачить, словом, работать. Название прижилось и вошло даже в официальную историю мировой генетики»* (Д.Гранин. Зубр); *«Каждый месяц у нас набегало по счетчику, ну, не более двенадцати целковых...И вдруг имеем шестнадцать. Пардон! В чем дело? Поругались, поругались, но заплатили...Через месяц имели двадцать шесть. И тогда началась вакханалия. Одним словом, когда докрутили счетчик до тридцати восьми рублей, тогда пришлось прекратить энергию»* (М.Зошенко. Летняя передышка); *«Лечил молодой доктор от всего пиявками и красноречиво доказывал, что не только все болезни – воспаление, но и жизнь есть не что иное, как воспаление материи; о Круциферском он отзывался с убийственным снисхождением; словом, он вошел в моду»* (А.Герцен. Кто виноват); *«В течение двух недель Федор Иванович привел домик Глафиры Петровны в порядок, расчистил двор, сад; из Лавриков привезли ему удобную мебель, из города вино, книги, журналы; на конюшне появились лошади; словом, Федор Иванович обзавелся всем нужным и начал жить – не то помещиком, не то отшельником»* (И.Тургенев. Дворянское гнездо).

### **2.2: Временные отношения «субъективное представление говорящего о разной степени важности называемого»**

В таких случаях «левые» предикаты дают более обобщенное представление об отражаемом процессе, а «правые» – конкретные. Говорящий предполагает, что его первоначальное обозначение события может вызвать недоумение адресата своей категоричностью, резкостью, неожиданностью, поэтому он спешит адекватно обозначить сущность обозначаемого, показать степень важности уточняющей информации, старается охарактеризовать указание «на первостепенную важность присоединяемой информации» [11, с.201]. Например: *«Усердный и*

*горячий дядька мой скоро принял решительные меры. Прежде всего, он перевел нас из столовой в кабинет, затворил дверь и велел Параше запереться изнутри, а сам побежал в кухню, отыскал какого-то поваренка из багровских, велел сварить для нас суп и зажарить на сковородке битого мяса»* (С.Аксаков. Детские годы Багрова-внука). П. Дженсен отмечает, что «язык достаточно эффективно использует вторичную номинацию в тех случаях, когда формируются знаки, включающие субъективные сигналы в добавление к основному их содержанию информации об объективной действительности» [11, с.47-48].

У. Вейнрейх различал два типа лексических сочетаний: сцепление (*linking*) и включение (*nesting*). Сцепление, согласно определению У. Вейнрейха, – это такое сочетание двух полнозначных слов, которое влечет за собой логическое перемножение их интенционалов («*десигнатов*»). Сводный интенционал парных сцеплений, с такой точки зрения, будет составлять логическое произведение признаков сцепляемых значений [7, с.51-52].

Наряду с вышеизложенным, в каждом из предикатов содержится достаточное количество индивидуальных семантических компонентов, препятствующих их полной синонимии и позволяющих передать в высказываниях в расчлененном виде различные стороны единого сложного внеязыкового процесса. Например: «*Баба Маня, сидевшая на своем наблюдательном пункте, вбежала во двор, точнее, влетела, взмахивая ногами-ластами, открыла рот, хотела закричать, но, запыхавшись, не успела*» (А.Каневский. Тэза с нашего двора); «*Я терялся и благоговел перед мальчишками всего на два или три года старше меня, гораздо большие, чем перед взрослыми. Особенно я робел перед теми, которые были непохожи на меня, в которых я чувствовал превосходство*» (А.Алексин. А тем временем где-то...); «*Уже после, когда наступила победа, я узнала от врачей, что очень опасно сосредоточиваться на одной, будоражащей, изнутри сжигающей мысли. Особенно же сосредоточиваться молчаливо, когда признаков пожара, происходящего в душе, не видно – и никто не приходит на помощь*» (А.Алексин. Ивашов). В приведенных случаях «левый» предикат обладает самой широкой семантикой, его значение распространяется на последующие предикаты, наслаиваясь на их семантику. Все явления неопределенные, не стремятся к завершению, а могут длиться какое-то неопределенное время. Наличие общих предикатных компонентов способствует более «плотному» интегрированию значений предикатов в одно семантическое целое при обозначении единого внеязыкового процесса. Механизм «слияния» значений зависит от лексического значения глаголов.

Достаточно продуктивными являются высказывания, в которых предикаты передают информацию о состоянии сознания говорящего, который указывает на важность, первостепенность причины при помощи таких лексических показателей, как «*например*», «*в первую очередь*», «*прежде всего*», «*главным образом*» и др. Их употребление связано с коммуникативной целью отправителя сообщения дать толкования, сделать более доступным смысл высказывания, идентифицировать процесс таким образом, чтобы представление о нем у адресата соответствовало его собственному. Например: «*В прежние времена (когда он ходил на руках или же прыгал через пять стульев) он (Ганин) умел не только управлять, но и играть силой своей воли. Бывало, он упражнял ее, заставлял себя, например, встать с постели среди ночи, чтобы выйти на улицу и бросить в почтовый ящик окурки*» (В.Набоков. Машенька); «*Теперь она (Женя) выздоравливала. Чувство слабости сказывалось во всем. Чувство слабости, например, передавалось, на свой риск и страх, какой-то странной своей геометрией. От нее слегка кружило и поташнивало. Начав, например, с какого-нибудь эпизода на одеяле, чувство слабости принималось наслаивать на него ряды постепенно росших пустот, скоро становившихся неимоверными в стремлении сумерек принять форму площади, лежащей в основании этого помешательства пространства*» (Б.Пастернак. Детство Люверс); «*Говорили почти все они, и тут я узнал много такого, с чем прежде не имел понятия и что даже считал невозможным. Я узнал, например, что они очень мало любят, а только боятся своих родителей, что они беспрестанно лгут и обманывают их*» (С.Аксаков. Детские годы Багрова-внука).

Воздействие на собеседника не является здесь самоцелью. Главное – информационное наполнение высказывания, а адресат привлекается лишь к оценке сообщаемого. Прагматическая специфика таких пояснительных номинаций заключается в том, что они служат для внесения поправки (добавления, разъяснения) в «коммуникативную программу в процессе ее реализации или на уже той стадии, когда она в основном реализована, возникла спонтанно» [9, с.81-82].

### 2.3. Временные отношения «уточнение как фрагмент одной картины»

В таких случаях представлен тематический фрейм, организация которой представлена следующим образом: в начало фрейма выносятся слово, выполняющее фреймообразующую роль и обозначающее общее значение, следующие предикаты передают ситуацию как раскрытие содержания, детализации с помощью конкретных пропозиций. Приведем примеры: «*И тут Растреллий захохотал, как смеется растущее дитя: его глаза скрылись, нос сморщился, и он крикнул, торопясь...» (Ю.Тынянов. Восковая персона); «*Он (Беркут) аккуратно убрал постель в стенную нишу, принял душ и со вкусом позавтракал: выпил два стакана крепкого чая и съел два ломтя ветчины» (А.Стругацкий, Б.Стругацкий. Забытый эксперимент); «*Озимов пил водку, не глотая, – в широко раскрытый зев опрокидывал стопку и коротко выдыхал. Его крутая шея и бритая голова наливались кровью, он заметно хмелел и становился все мрачнее» (Б.Можаев. Мужики и бабы); «*Принялись обыскивать Свистопляса: шапку вывернули, штаны прощупали, из рваных чирков всю солому вытрясли, выпал «клап виной», мешок перерыли, нашли рубль двадцать, отобрали» (В.Шишков. Тайга).****

Характерной чертой лексического наполнения глаголов-сказуемых является лексико-семантическая однотипность предикатов, т.е. смысловая близость, проявляющаяся в наличии общей темы (единого логического основания). Сюда относятся предикаты, отражающие определенные сферы внеязыковой действительности: область чувств, эмоций, настроений одушевленного субъекта и их внешнее проявление, связанное с непостоянством, изменчивостью. Действия таких глаголов характеризуются неограниченной повторяемостью и предполагают такое воспроизведение, которое можно представить как открытый ряд [6, с.15]. Чаще всего такие глаголы НСВ встречаются в конструкциях, выражающих кратнотаксисное значение [6, с.25-26]. Кратность понимается как «семантический признак какой-либо ситуации, который реализуется как совокупность двух сопряженных значений однократности / неоднократности (многократности / малократности) [6, с.150]. Сопряженность процессов, их тесная внутренняя связь предполагает наличие некоего общего исходного фактора, когда создается нерасторжимый комплекс действий, где хронологические отношения между действиями несущественны. Предикаты могут иметь общую ядерную (единый словарный идентификатор) и «общую дистрибутивную формулу». Например: «*Барак уже спал: стонал, хрипел и кашлял. Мы трое варили у печки каждый свое: Синцов кипятил сбереженную от обеда корку хлеба.А Губарев натолкал в котелок листьев «мерзлой капусты -счастливец и хитрец. Капуста пахла, как лучший украинский борщ! А я варил посылочный чернослив» (В. Шаламов. Колымские рассказы); «*Все в клубок смешалось. Ревом и стонами задрожал воздух: лаяли собаки, визжали и плакали женщины, надрывались, яро и хрипя, хмельные мужики» (В.Шишков. Тайга); «*Такси было совсем близко, но те несколько шагов, что он проделал, показались Леве бесконечными. Он странно почувствовал протекание времени сквозь себя. Оно было неравномерным и как бы прерывистым: оно тянулось, вытягивалось, утопнялось, образуя шейку, как капля, и вдруг – рвало» (А.Битов. Пушкинский дом). В приведенных высказываниях представлены глаголы итеративного, многоактного, квантового и инхоативного действия: *лаять*, *визжать*, *плакать*; словарный идентификатор – «издавать звук, визг», ядерная сема – «внешнее проявление изменений, происходящих в окружающей среде, представлено как «гомогенные процессы» [4, с.46], т.е. «занятие действием без указания хотя бы в перспективе на момент окончания этого действия как на цель» [4, с.56]. Такие глаголы, как отмечает В.Г. Адмони, могут иметь общую ядерную сему (единый словарный идентификатор), но не имеют единой дистрибутивной формулы – «в каждой из одинаковых микроситуаций, входящих в дистрибутивное множество, представлены тождественные и одновременно не вполне тождественные наборы участников»: *глаголы чувств, эмоционального состояния, ощущения, мышления* [4, с.43-48].***

Семантическая близость предикатов может проявляться в том, что в их лексическом значении содержится какая-либо общая для них всех периферийная сема («нечто негативное»), например: «*Цветок в его (больного) глазах осуществлял собою все зло: он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слезы, всю желчь человечества» (В.Гаршин. Красный цветок);*

Грамматическое значение таких конструкций – выражение кратнотаксисных отношений, которые реализуются как отношения повторяемости и одновременности: конститuentами являются следующие языковые элементы: союз, сама синтаксическая структура, представляющая собой

потенциально незамкнутый ряд, видо-временная семантика предикатов. В качестве же комплементарного фактора рассматривается лексический: не являясь конституентами грамматического значения, лексические показатели повторяемости и одновременности, содержащиеся в предшествующем фрагменте текста, в ряде случаев приобретают весьма существенное значение.

Предметно-логические факторы позволяют объединить в одном ряду глаголы с разным лексическим значением. Все предикаты являются как бы фрагментом одной картины. Являясь модусом, БСП содержит субъективную интерпретацию тех явлений, событий, которые дальше конкретизируются в контексте. Это могут быть: 1) эмоционально-оценочная интерпретация; 2) этически-оценочная; 3) модально-оценочная: **«На демонстрации все было совершенно необычайно, ново и интересно. Преподаватели здоровались со старшеклассниками за руку, шутили, дружески беседовали. Гремел оркестр клуба приказчиков. Ломающимся рядами, тщетно стараясь попасть в ногу, шел «цвет» города... Фуражки, кокарды, канты, петлички, пуговицы...»** (Л.Кассиль. Конduit и Швамбрания); **«Ипполит Матвеевич проснулся по привычке в половине восьмого, пророкотал «гут морген» и направился к умывальнику. Он умывался с наслаждением: отплевывался, причитал и тряс головой, чтобы избавиться от воды, набежавшей в уши»** (И.Ильф, Е.Петров. Двенадцать стульев); **«С тех пор им почти не выпадало быть вдвоем. Марусин трудфронт железнодорожных путей превратился в постоянную работу. Она уходила чуть свет, а возвращалась с темнотой, смертельно усталая, и без сил валилась на печь»** (Ю.Нагибин. Перекур).

Смысловая близость, синонимия предикатов, принадлежность их к одной лексико-семантической группе соответствуют природе повторной номинации. Лексическое наполнение предикатов отражает определенные сферы внеязыковой действительности, Чаще всего это область внешних проявлений эмоционально-чувственного состояния одушевленного субъекта: изменений, происходящих в окружающей среде; физических движений-перемещений предметов в пространстве, т.е. сферы, которые в большей степени связаны с изменениями, непостоянством и характеризуются временной локализованностью. Например: **«Инга стала кашлять. С хрипом и бульканьем вырывались из нее толчки воздуха, узенькие плечи дрожали, ямы ключиц проглотили шею»** (К.Федин. Санаторий Арктур); **«Алехан обрел европейскую славу. Столицы открывали перед ним ворота, короли оказывали ему небывалые почести, поэты слагали в его честь пышные дифирамбы»** (В.Пикуль. Этюды о былом); **«Америка высказала, пожалуй, еще больше нездорового интереса по отношению ко мне. Угрюмые фермеры жестом указывали мне на надпись «Удить воспрещается»; из проносившихся по шоссе автомобилей доносился издевательский рев; сонные собаки, равнодушные к зловоннейшему бродяге, настораживались и, рыча, шли на меня; малытки надрывно спрашивали – что же это такое? У своих озадаченных мам; старые опытные туристы хотели знать, не рыболов ли я, собирающий кузнечиков для насадки; журнал «Лайф» звонил, спрашивая, не хочу ли я быть снятым в красках, преследующим популярных бабочек, с популярным объяснительным текстом»** (В.Набоков. Другие берега).

Итак, использование пояснительной номинации объясняется тем, что говорящий оправдывает появление высказывания либо фактами жизни, либо логикой их осмысления, либо коммуникативными условиями, либо логикой строения и развертывания данного текста. Такие единицы учитывают фактор адресата, так как они «обслуживают» специальное намерение говорящего подключить адресата к обсуждению выдвигаемой версии: инициатор сообщения прогнозирует возможную реакцию реципиента и заранее откликается на нее, предотвращает или отвергает неадекватное толкование, предостерегает от грубо-однозначного осмысления, выносит свою «концепцию» на обсуждение, призывая адресата принять участие в аргументировании, т.е. так или иначе включает в свою коммуникативную программу специальный пункт, касающийся восприятия адресатом сообщаемого.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На мат. рус. языка. -М.: Языки славянской культуры, 2002. -736 с.
- 2 Nurtazina Maral. Functional-Communicative Approach for the Semantics of Taxis // Journal of Functional Grammar: Oxford University Press. -№ 2. -Vol.6. -2010. -P.32-48.
- 3 Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. -560 с.

***Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы***

4 Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. -Изд.2-е. - СПб: СПбГУ, 2009. -239 с.

5 Русская грамматика: В 2-х тт. / Ред.кол.: Н.Ю.Шведова и др. - М.: Наука, 1980. -Т.1. -783 с.; Т.2. -709 с.

6 Dahl O. Tense and Aspect Systems. -Oxford; New York: Basil Blackwell, 1985.-312 P.

7 Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. -М.: Прогресс, 1981. - Вып. 10: Лингвистическая семантика. -С.50-176.

8 Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике: Пер. с франц., общ. ред и коммен. Н.А. Слюсаревой. - М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. -280 с.

9 Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. -М.: Наука, 1986. -200 с.

10 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. -М.: Языки рус. культуры, 1999. -896 с.

11 Jensen P.A. Narrative description or descriptive narration: Problems of Aspectuality in Cechov // Verbal aspect in discourse / N.B. Thelin (ed.). -Amsterdam; Philadelphia, 1990. -P. 176-219.

Поступила в редакцию 17.09.2010.